Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа АН ГССР — первый крупный музей на Кавказе — был открыт в Тбилиси в 1852 г. Уже тогда были заложены основы этнографических коллекций, пополнение которых продолжается по сей день. Так, только за 1966—1980 гг. было приобретено 4183 экспоната. Всего же в 1980 г. в этнографических фондах музея хранилось 25 632 предмета. На сегодняшний день в фондах насчитывается до 32 тыс. экспонатов, которые составляют 9 фондов. Каждому из них автор посвятил особую главу. Это фонды тканей, оружия, деревянных изделий, керамики и изделий из камня и т. д. Десятый фонд — вспомогательный.

В небольшом вступлении автор сообщает некоторые факты истории музея, создания коллекций Этнографического отдела. После установления в Грузии Советской власти этим отделом руководил Г. Чубинашвили; здесь работали молодые ученые: В. В. Бардавелидзе, впоследствии крупный этнограф; Г. С. Читая, ныне академик ГССР; С. И. Макалатия — автор многочисленных работ по этнографии Грузии.

Каждая из глав книги — живой рассказ об экспонатах фондов. Очень интересен рассказ о фонде тканей, где хранятся традиционные грузинские костюмы. Их изучению этнографы всегда уделяли большое внимание. В начале XX в. художник Макс Тильке выполнил по материалам этого фонда серию рисунков, которая была издана в виде цветных открыток в 1936 г. Интересные сведения сообщает автор о цеховых, боевых и культовых знаменах, хранящихся в этом же фонде. Следует отметить, что такие небольшие этнографические экскурсы сопровождают авторский рассказ об экспонатах во всех главах книги, делая более живой подчас сухую информацию о музейных фондах.

Один из крупных фондов музея (около 3 тыс. ед. хранения) — фонд оружия. В нем хранится холодное и огнестрельное оружие разных народов Кавказа от периода средневековья до XX в., а также экипировка воинов. В фонде деревянных изделий представлены грузинские пахотные орудия, мебель и посуда, богато орнаментированные, мерки для сыпучих тел, деревянные штампы, которые использовали для набойки шелковых и хлопчатобумажных тканей, детские колыбели, традиционные музыкальные инструменты и т. п. Рассказывая о фонде керамических и каменных изделий, Г. В. Джалабадзе называет отрасли гончарного производства, указывает центры керамического производства, пути и способы перевозки керамических изделий. Здесь же приведен список коллекций керамики, поступивших после 1940 г.

Главы путеводителя неравноценны по объему и содержанию. Особенно невелики обзоры фондов кожаных и меховых изделий — менее одной страницы. Описанию вспомогательного фонда, в котором хранятся рисунки, чертежи, фотоальбомы, картины, отведено менее двух страниц. Не во всех главах указано общее число единиц хранения, что было бы необходимо сделать. Думаю, что такой минимальный объем некоторых разделов (а также небольшой объем и всего путеводителя) объясняется не отсутствием интересных материалов, а, видимо, определенным лимитом в объеме со стороны издательства. Между тем знакомство с этнографическими фондами Государственного музея Грузии необходимо не только специалистам. Оно нужно всем, кто интересуется народной культурой. Популяризируя Государственный музей Грузии, столь богатый этнографическими коллекциями, издательство могло бы выпустить книгу бо́льшим тиражом, чем это сделано (8 тыс.), и в улучшенном полиграфическом исполнении, тем более, что путеводитель издан на русском языке и таким образом круг читателей значительно расширился.

Л. И. Смирнова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Г. Георгиев. София и софиянци. 1878—1944. София: Наука и изкуство, 1983. 413 с., илл.

Известный болгарский этнограф, профессор Георге Георгиев выпустил капитальное исследование по этнографии Софии, которая рассматривается в книге не только как столица и крупнейший болгарский город (софиянцы составляют 11% населения всей страны; по образному выражению автора, «каждый девятый болгарский гражданин живет в Софии» — с. 1), но и как эталон города эпохи капитализма вообще, как образец болгарской городской культуры. Большое значение для урбанистики и этнографической науки в целом имеет четко сформулированная научная позиция Г. Георгиева, рассматривающего городской быт эпохи капитализма как неотъемлемую часть народной культуры. Важной задачей он считает «преодоление ненаучного подхода» буржуазных этнографов, считавших, будто городские быт и культура нивелируют народную культуру, народный быт и потому недостойны изучения (с. 2).

Рецензируемая книга — первый опыт системного исследования проблем этнографии болгарского города периода капитализма во всей ее тематической полноте и хронологической целостности. В основе исследования — широкий круг разнообразных источников. Среди них — материалы непосредственного наблюдения остатков старого быта в современной Софии, позволившие восстановить живые черты многих явлений прошлого; архивные документы софийской общины; периодическая печать исследуемого периода; данные статистики и проведенных в разное время анкетных обследований; обширный изобразительный материал, в особенности фотографии конца XIX — первых десятилетий XX в.

В книге четыре большие главы: «Город и его жители; капиталистическая урбанизация», «Социальная жизнь и общественные отношения», «Материальный быт и культура», «Духовный быт и культура».

Отметив, что София стоит на первом месте среди других болгарских городов по темпам урбанизации, автор прослеживает рост городской территории, ее градостроительную организацию, развитие экономической инфраструктуры, отмечает бурный рост населения — с 1879 по 1944 г. почти в 35 раз (число жителей в 1879 г. составляло всего 2,9% от населения 1944 г. и 4% от населения 1934 г.— с. 60, 61). Этот рост происходил в основном за счет миграции (на $^2/_3$ — миграции сельских жителей) и сопровождался соответствующим развитием строительства жилых домов, общественных зданий, сооружений городского хозяйства. При этом патриархальные нравы требовали «хорошего соседства», что влияло на престижность районов и способствовало развитию капиталистической спекуляции земельными участками (с. 85). Уплотнение застройки привело к резкому сокращению сельскохозяйственных угодий. Только за семь лет (в 1930 годы) обрабатываемая площадь внутри города сократилась вдвое.

Г. Георгиев уделяет много внимания социальной топографии города, образованию кварталов, заселенных в основном крупной буржуазией (центр), и оттеснению ремесленников и другого трудового люда на вновь образовавшиеся окраины (с. 47). Отметим, что это явление характерно едва ли не для всех городов мира. Говоря о развитии торговых центров города — базаров, автор отмечает их перемещение (в частности, удаление из центра и возвращение туда главного сельскохозяйственного базара — с. 47—50). Стихийную застройку города пытались ввести в рамки спроектированных специалистами генеральных планов, что в целом благоприятно сказалось на формировании Софии как поселения. Еще в 1893 г. Д. Благоев писал, что София «имеет вид европейского города» (с. 30).

Подробно и интересно разработана этнодемографическая характеристика развития Софии за исследуемый период, выявлен неуклонный рост доли болгар (с 55,1% в 1879 г. до 84,4% в 1934 г.— с. 71, табл. 8). Средний возраст жителей Софии в исследуемый период был немного выше, чем в других городах и в целом по стране (с. 70, табл. 7).

Во второй главе Г. Георгиев анализирует семью и семейные отношения, начиная с характерных для большого города способов выбора брачного партнера. Интересны традиционная для болгар сдержанность в общении молодежи, эзоповский язык любовных объяснений, вечерние гуляния, серенады, символика любовных писем вплоть до особой манеры наклеивания марок, наконец, такие распространенные в капиталистических городах способы облегчения выбора брачного партнера, как газетные объявления, агентства, картотеки сведений и пр. (с. 96, 97). Довольно стабильная этническая эндогамия значительно ослаблялась, если этническое различие жениха и невесты не дополнялось еще и религиозным (с. 99). Муж в большинстве случаев был старше жены, но от XIX к XX в. принятая разница возрастов сокращалась: если в конце XIX в. почти в половине браков муж был старше жены на 10 лет и более, то в 1930-х годах около $^2/_3$ браков совершалось при разнице возрастов 1—6 лет. Традиционный, обусловленный когда-то сельскохозяйственными занятиями обычай осенне-зимних свадеб к 1930-м годам был несколько поколеблен: до 25% их совершалось в летние месяцы.

Автор констатирует, что в Софии господствовала малая семья, состоявшая из одной брачной пары с ее потомством, причем процент семей из двух — пяти человек был здесь, как и вообще в городах, значительно выше, чем в среднем по стране, а семей из шести — десяти человек — ниже (с. 101). При определении семьи как малой автор исходит, очевидно, все же лишь из числа ее членов, а не из числа брачных пар, так как на с. 102 говорится, что в семье, включавшей несколько таких пар, главной является родительская. Можно думать, что в этих случаях перед нами следы большой семьи. Положение женщины в семье на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось подчиненным, но наиболее жесткие формы женского неравноправия постепенно отпадали. Отрицательное отношение к браку, не освященному каноническим обрядом, распространялось и на «незаконных» детей. Лишь в рабочей среде эти предрассудки были мало распространены (с. 101—107).

Основной административно-территориальной и общественно-организационной единицей города был район-квартал (*махала*); их было первоначально 18, наименьший включал 368 домовладений. Характерно, что культовый центр махалы — церковь — возводился зачастую на 10—15 лет позже застройки квартала (с. 114). По нашему мнению, это соответствует важной черте общественного быта болгар: при значительной роли церкви в истории страны бытовая религиозность не была особенно развита. Автор говорит о роли в жизни города и микрорайона местных культурных центров — *читалищ* — своеобразных народных клубов, трудовых профессиональных организаций. Особо отмечает он малочисленные организации, такие, как землячества, собиравшиеся для решения своих вопросов в кофейнях и ресторанах. Со временем обычай подобных сборов распространился настолько, что уже самый факт систематического посещения определенного ресторана или кафе мог характеризовать принадлежность горожанина к определенному кругу, его общественно-политические воззрения и даже партийную принадлежность (с. 133).

В общественных отношениях софиянцев долгое время играли серьезную роль нормы обычного права: право пользоваться общинной землей (в том числе прогонять скот и пасти его в определенных местах), право на кредит в торговых заведениях (*вересия*) и общинную помощь. В жизни каждой семьи большую роль играли соседи, особенно при конфликтах, разрешавшихся *другарским* (товарищеским) судом (с. 148).

Особый интерес представляет раздел «Моральные ценности и поведение в обществе». Он начинается анализом отношения софиянцев к труду. Женский труд вне дома

не считался престижным. Допускалось еще, чтобы работали девушки, но замужние женщины — только в тех случаях, когда на семью обрушивалась большая беда. Даже во время войны работа женщин в торговле и административном аппарате рассматривалась как отступление от моральных норм. Однако по отношению к городской бедноте эти нормы не действовали ни для женского, ни для детского труда. Неодинаков был престиж и мужских профессий. Наиболее высок он был у чиновников, торговцев, людей свободных профессий. Из ремесел более престижными были профессии, связанные с новейшими достижениями техники, например — монтеров, стекольщиков. Особенно низок был престиж мелочной торговли вразнос, и, пожалуй, ниже всего — работы на фабриках. Однако в последнем случае существовала своя дифференциация: несколько выше стояли квалифицированные печатники, металлисты, ниже — текстильщики, табачники. Имея в виду возможность перехода от одной профессии к другой, автор пишет, что столица не только «делала человека свободным», но и предоставляла ему гораздо больше возможностей для осуществления этого права (с. 154). Добавим от себя, что, вероятно, и нищета в столице была более тяжкой.

Г. Георгиев подчеркивает бытовое значение общих нормативных систем, останавливаясь на переходе от турецкого календаря к общеевропейскому, к 24-часовому измерению суток, к новой денежной системе, на трудностях их восприятия городскими массами, на изменениях ономастики, антропонимии и пр., показывая устойчивость народных названий.

В третьей главе автор обращается к проблемам материального быта и культуры Вначале он рассматривает городские жилища. За изучаемый период резко расширился наем жилья (если в 1879 г. наниматели были исключением, то уже в 1893 г. они составляли 25%, а в 1926 г. — 55% всех жителей Софии) и меньше половины софиянцев жило в собственных домах (с. 177), однако идеалом среднего горожанина был все же отдельный дом. Отношение к проживанию в одном доме нескольких семей было резко отрицательным; считалось, что это поругание чести семьи, отцовского очага (с. 180). Компромиссное решение для довольно зажиточных людей было найдено в кооперативном строительстве начала XX в. домов с изолированными квартирами (*етажна собственност*). В середине 1880-х годов переселенцы строили в Софии жилища, традиционные для их родных мест. В дальнейшем изменение застройки усадьбы шло главным образом за счет перемещения жилого дома из глубины двора к улице, что характерно для большинства европейских городов, в том числе и для русских. Во внутренней планировке преобладала коридорная система. В центре разрешалось строить дома не менее чем в два этажа (судя по приложенным фотографиям, здания выше трех этажей были редким исключением, но встречались даже пяти- и семиэтажные), на окраине допускались любые строения. Для бедных и отчасти средних слоев софиянцев был характерен недостаток жилой площади и как следствие — многофункциональное использование помещений. Индивидуальный пролетарский дом в рабочем квартале включал одну-две, редко две-три комнаты по 10—12 м² каждая, высотой около 2,5 м, тесный коридор, кухню и зимник для хранения заготовок на зиму. У более зажиточных горожан кухня строилась во дворе, при ней в буржуазных домах — столовая, комнаты для прислуги (с. 183—190). Автор показывает эти различия на статистическом материале. Жилой дом имел больше комнат и лучшего качества. Но еще в 1912 г. 37% горожан размещались по четыре-пять человек в комнате (с. 193). При описании интерьеров он подчеркивает социальные контрасты: у бедняков — неподвижная мебель, постели на земле, на досках, покрытых рогожей; в парадных комнатах буржуазного дома — современные мебельные гарнитуры, ковры, кафельные печи и пр. Перед первой мировой войной было принято, чтобы в центре гостиной среднего горожанина стоял круглый стол с фарфоровой керосиновой лампой. Автор подчеркивает тесную связь жилища рядового софиянца с народной культурой, но не выявляет этой связи более четко на конкретном материале: читатель не найдет в книге, например, ни одного плана жилища, его интерьера, который позволял бы судить о наличии элементов традиционной планировки и пр.

От жилых и общественных построек Г. Георгиев переходит к анализу одежды, фиксируя прежде всего факторы общественной и частной жизни, обусловившие изменения традиционного болгарского костюма. Например, свойственная городу подвижность исключала такой характерный для деревенской одежды предмет, как широкий и длинный, около 2 м пояс; развитие промышленности и торговли обусловило переход к покупным, преимущественно фабричным тканям (с. 214—216). Традиционную одежду своей местности приехавшие в Софию сохраняли, как правило, очень недолго, мужчины — иногда только месяцы, женщины — 1—2 года (с. 218); еще в 1889 г. было запрещено носить традиционную одежду софийским евреям. Дóма изготовлялось в основном нижнее белье (это была женская работа), верхнее же платье с конца XIX в. шили портные. Городская элита следовала при этом венской, парижской, бухарестской моде; были, конечно, и портные попроще, обслуживавшие средний слой горожан. Изготовление одежды специалистами оказывало влияние на традиционный костюм как софиянцев, так и жителей других городов. Автор отмечает также ослабление возрастных и профессиональных отличий в одежде: квалифицированные рабочие стремились одеваться, как хозяева; прислуга гордилась обносками с хозяйского плеча. Костюм человека, одевавшегося по-городскому,— *сюртуклии* — составляли панталоны, жилет (не всегда), сак (пиджак) и верхнее пальто (с. 220); длина и ширина сака и панталон изменялись согласно моде. Например, одно время были модными широкие «каменарские» панталоны, которые носили с белой рубашкой и даже с традиционным кушаком (с. 223). Летнюю будничную одежду (в особенности у трудящихся) составляли панталоны и риза. Для женского городского костюма характерны платье или кофта с юбкой; в 1930-е годы получил распространение «дамский костюм» — модификация юбки с ва-

риантом мужского сака, а в качестве верхнего платья — разнообразные пальто: пелерина, манто и пр. Детская одежда повторяла по покрою мужскую или женскую; бедные одевали детей в обноски взрослых (с. 222).

Традиционная одежда сохраняла известный престиж: ее надевали на манифестации, сборища землячеств, иные встречи и праздники, однако в высших кругах такой костюм считался одеждой простолюдинов (с. 224). Вообще же праздничной одеждой долгое время служил костюм, в котором венчались, так что небогатый горожанин был в праздник одет по «моде вчерашнего дня». Форменная одежда сложилась под влиянием русской формы (с. 226). Костюм, прическа, украшения и другие аксессуары свидетельствовали о вкусах и взглядах владельца. Например, «каменарские» панталоны считались признаком демократического направления мыслей. Среди столичных щеголей были распространены экстравагантные прически; бороду и бакенбарды в довоенный период (до 1914 г.) носили преимущественно те, кто не занимался физическим трудом: маленькая бородка à la Наполеон III отличала либерала, политические лидеры носили бороду, расчесанную на две стороны.

Последний раздел главы посвящен пище. В основе питания лежала народная традиция, обусловленная не только хозяйством, но и религией. Так, обильное употребление зелени и вообще растительной пищи объяснялось не только развитием земледелия, но и большим числом постных дней. Всего, включая среды и пятницы, в году их было 332 (с. 233) — еще больше, чем, например, у русских. Продукты покупали на базаре, но значительным подспорьем являлись и личные хозяйства; для некоторых горожан огород был единственной статьей дохода. Через рынок софиянцы воспринимали влияние пищи других народов. Ежедневных трапез было три: *утрешна закуска* в 6—7 ч, обед в 12—14, *вечеря* в 19—21 ч. Точно было фиксировано только время обеда (остальные трапезы могли быть и раньше и позже обычного времени). Но главной, наиболее продолжительной трапезой, когда собиралась обязательно вся семья, чтобы обменяться дневными впечатлениями и обсудить возникшие дела, в которой наиболее ярко проявлялись семейные обычаи, в том числе уважение к главе семьи, была вечеря (с. 241—243). Места трапез — обычно кухня или комната с печью; лишь у богатых были *трапезарни* — столовые. В начале рассматриваемого периода ели преимущественно на *софре* — низком круглом столе, деревянном (*паралия*) или металлическом (*циния*), рассаживаясь вокруг на низких стульчиках, коврах или иных подстилках. По окончании трапезы софра убиралась и ставилась к стенке. Этот восточный обычай не был свойствен большинству славянских народов. Ели из общего блюда, у зажиточных же (особенно с начала XX в.) была индивидуальная посуда и современная европейская мебель.

Говоря о питании рабочих, автор отмечает, что только в 1930-х годах получили распространение кооперативные рабочие столовые. До того рабочие на предприятиях питались преимущественно всухомятку, принесенными из дома продуктами, как и в других капиталистических странах.

Четвертая, наиболее крупная глава, посвященная духовному быту и культуре, охватывает чрезвычайно широкий круг проблем: мировоззрение, различные виды информации (сюда включено и образование), праздники, обычаи и обряды, отдых и развлечения. Здесь рассматриваются также поверья, различные субмагические действия (типа «дунь-плюнь» — с. 258), народная медицина, межнациональные отношения (вплоть до прозвищ, даваемых друг другу различными национальными группами,— с. 253). Автор приводит статистику грамотности (если в 1878 г. среди софиянцев было лишь 15% грамотных, то в 1934 г.— 79%, из них 30% окончили прогимназию — с. 268), описывает различные курсы, беседы в кофейнях, а также разные виды опосредствованной информации — глашатаев (какие были в эпоху средневековья почти во всех городах мира), прессу, книги, театр, кино, панораму, радио — под углом социального расслоения (кто откуда ее получает).

Большой раздел главы посвящен праздникам и обрядам. За год в Софии бывало 156 праздников, главным из которых считался Николин день (с. 283). Автор рассматривает и новые праздники — памятные дни различных исторических событий и деятелей болгарской истории и культуры, манифестации 1 Мая и 7 Ноября, Международный женский день, трудовые юбилеи. Автор обращает особое внимание на присущие городской жизни эпохи капитализма контрасты, фиксируя во всех случаях противоположность «богатые — бедные». Под этим углом зрения рассматриваются и свадьбы, и погребения различных разрядов.

Говоря о развитии классовой борьбы, он отмечает, например, что в подпольной политической деятельности широко использовались традиционные обычаи проведения свободного времени. Описаны гостевания (чаще всего воскресные), скромные вечеринки с танцами и роскошные дворцовые балы, прогулки (обычно с какой-то целью, например послушать военную музыку, исполнявшуюся в излюбленных местах прогулок,— с. 325), купанья и пр. В том же разделе описаны различные игры, конкурсы (в том числе спортивные соревнования), катание на лыжах.

Один из наиболее оригинальных и интересных разделов книги — «Необычайное и повседневное». Здесь рассмотрено отношение горожан к разного рода сенсациям: раскрытию политических или финансовых афер, назначениям должностных лиц, пожарам, преступлениям и иным происшествиям. Проанализированы феномен «знаменитой личности», отечественной (Иван Вазов, Иван Шишманов) и приезжей (Ф. И. Шаляпин — с. 348), отношение к разного рода чудакам, которые также были своеобразными городскими знаменитостями. Такой подход помогает полнее раскрыть особенности городской жизни и духовного мира горожан тем более, что подобные феномены характерны

для городов разных стран. Достаточно вспомнить московского чудака-юродивого XIX в. И. Я. Корейшу, увековеченного в произведениях Н. С. Лескова.

Заканчивается глава обзором развития в Софии профессионального и народного искусства: театра (включая постановку горьковской пьесы «На дне»), живописи и скульптуры (в том числе отношение ортодоксально настроенных горожан к обнаженной скульптуре), музыки, распространение манеры сочинять песни актуального бытового или политического содержания на мотив популярных отечественных или зарубежных песен (с. 365), заставляющей вспомнить великого Беранже.

Заключительный раздел книги посвящен проблеме развития этноса в городе в условиях различных исторических формаций. Главный вывод автора: этнографические группы и этнокультурные образования присущи не только докапиталистическим формациям; более того, особенности городской и сельской культуры выражены в эпоху промышленного капитализма даже ярче благодаря полярности социальных групп (с. 371—375). «Городская культура и быт периода капитализма были обособленной системой как по отношению к сельскому быту и культуре, так и по отношению к культуре и быту городских жителей эпохи болгарского Возрождения»,— пишет Г. Георгиев (с. 378).

Книга снабжена множеством иллюстраций — фотографий видов города, отдельных зданий, улиц, интерьеров, общественных и семейных празднеств. Они представляют самостоятельный интерес как живые картины старой Софии и поясняют текст книги. Однако расположение иллюстраций отдельным буклетом впереди текста, эффектное в плане полиграфическом, имеет тот недостаток, что слабо связано с текстом: иллюстрациями трудно пользоваться, особенно при чрезвычайной редкости ссылок на них в тексте. Полезно было бы добавить к фотоиллюстрациям хотя бы несколько расположенных в тексте рисунков и чертежей, о чем говорилось выше. Книга от этого только выиграла бы.

Монография Г. Георгиева, как видно из вышеизложенного, представляет собой глубокое исследование широкого круга проблем городского образа жизни. Она, без сомнения, будет высоко оценена широкими читательскими массами и специалистами — историками и этнографами, так как написана увлеченно, живо и интересно и освещает вопросы, связанные как с конкретным городом Софией — столицей Народной Республики Болгарии, так и с другими болгарскими городами и городами вообще. Многие затронутые в ней проблемы и главным образом вся научная направленность авторского взгляда имеют значение, выходящее далеко за рамки отдельного города и даже целой страны. Это серьезный вклад в этнографическую науку в целом.

М. Г. Рабинович